

Император с самого рождения был обречен на то, чтобы иметь три дворца и шесть палат. Я, как ваша покорная слуга, понимаю, что это в порядке вещей, но не могу унять собственное чувство собственничества. Каждый раз, когда я вижу, как Император окружен красавицами, я не могу... не могу сдерживать гнев. Я осознаю свою недобродетельность и то, что не достойна звания Императрицы. Прошу лишь милости Вдовствующей императрицы: позвольте мне вечно жить в Холодном дворце, чтобы больше не видеть Императора и эти три тысячи красавиц!

Написав немало сценариев о дворцовых интригах, она прекрасно знала, как передать тончайшие оттенки чувств. Сейчас, играя свою роль, она была особенно искренна.

Говорила она это, во-первых, из страха, что Вдовствующая императрица призовет ее к ответу. Хотя клан Бу обладал огромным влиянием, если она по-настоящему разозлит императорскую семью, напав на Императора, нельзя было гарантировать, что родители не пожертвуют ею ради спасения всего клана. В конце концов, в древности женщина была лишь разменной монетой в браке, призванной приукрасить положение родни, и вряд ли ради нее стали бы рисковать всем родом.

Во-вторых, она, конечно, искренне надеялась, что Вдовствующая императрица удовлетворит ее просьбу и позволит спокойно жить в Холодном дворце. Пусть в Холодном дворце нет перспектив, зато есть гарантии — почти как у госслужащего в двадцать первом веке, причем на самой спокойной должности. Всю жизнь не знать нужды в еде и питье, не участвовать в дворцовых расправах, не позволять мужчинам трогать себя против воли и не быть в итоге изувеченной главной героиней — для нее это был самый лучший финал!

Однако Вдовствующая императрица долго размышляла, а затем вздохнула: Ты дитя из знатного дома, почему же такая неразумная? Неужели у твоего отца была только одна женщина — твоя мать? И разве те женщины не рожали дочерей? Как же вы ладили?

Конечно, не одна. У меня было много наложниц-матушек, и они тоже родили немало дочерей. Поэтому я, как только видела их, сразу давала пощечины. Моя дурная слава именно так и появилась.

Хотя она сказала это, чтобы оправдать себя, слова были правдивыми. Когда Бу Юньфэй была девушкой, она действительно немало пощечин раздавала наложницам и их дочерям.

Вдовствующая императрица прыснула со смеху.

Что за ребенок.

О дурном нраве Бу Юньфэй она была наслышана. Поначалу она сомневалась, стоит ли принимать ее в семью, но влияние клана Бу было слишком велико. Без их поддержки положение ее сына как Наследного принца было бы шатким. Если бы она отказалась от Бу Юньфэй, и та досталась бы Второму принцу, который больше всех соперничал с ее сыном, то союз Второго принца с кланом Бу мог бы легко лишить ее сына статуса наследника. Поэтому ей пришлось смириться и позволить сыну немного потерпеть.

Именно поэтому она никак не вмешивалась в то, что сын расширял гарем и в конце концов отправил Императрицу в опалу. В конце концов, жениться на такой мегере — это действительно испытание для сына.

Только сегодня она поняла, что у всего были свои причины.

Те, кто становился Вдовствующей императрицей, почти всегда были законными дочерьми из знатных семей. И она не была исключением.

Вспоминая свое детство, она тоже мечтала надавать пощечин наложницам и их детям, а попав во дворец, мечтала вышвырнуть вон всех тех лисиц, что вились вокруг Императора. Только вот она лишь мечтала об этом, но не смела действовать.

Подумав об этом, она почувствовала некое сходство со своей невесткой, и ее взгляд на вещи изменился.

Изменилось и отношение: Хорошо, в этот раз я не буду тебя наказывать. Но ты — Императрица, и должна служить примером. Для всех женщин Поднебесной послушание мужу, великодушие и добродетель — главные достоинства, и никто не должен иметь к тебе претензий. Сделаем так: возвращайся в Холодный дворец и хорошенько обдумай свое поведение. Когда поймешь, в чем была неправа, тогда и переедешь обратно. А что касается Императора, я сама с ним поговорю. Хорошо, что рана неглубокая, лекарь сказал, что кожа не повреждена, лишь кровоподтеки, через полмесяца все пройдет. Ох, я устала, иди.

Слушаюсь, — Бу Юньфэй почтительно удалилась.

В ее голосе слышалась радость. А-а-а, наконец-то можно спокойно жить в Холодном дворце! Вдовствующая императрица сама сказала: вернешься, когда поймешь! А если не пойму, то так там и останусь навсегда! Ха-ха-ха!

Что касается лица Императора, то она, конечно, намеренно не стала его царапать по настоящему. Шутки в сторону, это же древний императорский дворец, здесь за гнев Императора можно и головы лишиться! Хотя в здравом уме он опасался клана Бу, но кто знает, не потеряет ли он рассудок от боли?

По логике, мужчина, пробившийся к трону, не должен так легко терять голову. Однако, судя по Императору, в последнее время у него наметилась такая тенденция.

Конечно, она не знала, что сейчас по всему дворцу ходят слухи, будто это Императрица потеряла рассудок.

И то, что она сделала дальше, лишь подтвердило эти слухи.

По дороге из дворца Цынин она случайно наткнулась на ссору.

Издалека было плохо видно, только заметно, что маленькая служанка стоит на стреме. И эта служанка была личной горничной Благородной наложницы Ли!

Э? Наложница Ли кого-то отчитывает?

Изначально Бу Юньфэй не интересовалась подглядыванием. К тому же такие, как наложница Ли, ее не волновали, она следила только за главной героиней.

Но когда тебя постоянно подглядывают, даже у божества лопнет терпение. Поэтому она решила немного исказить свою натуру и тоже подсмотреть за другими.

В то же время ей хотелось, подражая Императору, показать величие Императрицы.

Она подошла к служанке наложницы Ли, приложила палец к губам, требуя тишины, а затем сурово провела рукой по горлу, намекая, что если та издаст хоть звук, она прикажет отрубить ей голову.

В древности этикет был превыше всего, и пока она оставалась Императрицей, она была матерью страны. Даже если наложница Ли управляла гаремом, она вряд ли смогла бы спасти жизнь этой служанки.

Девушка побледнела, закусила губу, но не посмела издать ни звука.

Бу Юньфэй почувствовала себя величественно и, довольная, на цыпочках прокралась подслушивать... Хм, сердце колотилось, было довольно захватывающе. Неудивительно, что Император так любит подглядывать.

Однако, заглянув за кусты, она замерла от волнения еще сильнее.

Там наложница Ли отчитывала именно главную героиню.

Первое правило выживания второстепенного персонажа: держись подальше от главной героини.

Второе правило: держись подальше от главной героини.

Третье правило: держись подальше от главной героини.

Бу Юньфэй собралась было бежать, как вдруг услышала голос наложницы Ли: Сяо Лэнъюй, ты правда думаешь, что Императрица вчера хвалила тебя искренне?

Э? Разве не искренне?

Бу Юньфэй остановилась.

Раздался звонкий звук пощечины.

Боже мой! Главную героиню ударили!

Бу Юньфэй развернулась.

Сяо Лэньюй, говорю тебе, эту пощечину Императрица велела мне передать тебе! — наложница Ли врала, даже не покраснев.

Вот черт!

Бу Юньфэй от страха затряслись ноги, и она бросилась вперед.

Наложница Ли решила на такую ложь, потому что знала характер Императрицы — раньше она уже не раз подставляла ее, действуя от ее имени. Императрица была гордой и никогда не опускалась до объяснений.

А теперь, когда весь дворец знал, что Императрица сошла с ума, никто бы и не усомнился в ее причастности.

Но она не ожидала, что только успеет ударить, как сама Императрица набросится на нее и толкнет.

Наложница Ли пошатнулась, пригляделась и в ужасе вскрикнула: Им... Императрица!

Дерзкая наложница Ли, как ты смеешь не приветствовать меня! — Бу Юньфэй, которая до этого была напугана, теперь пыталась успокоить сердце.

Это было подло, очень подло! Она изо всех сил старалась заработать очки симпатии, а эта женщина поливала ее грязью!

Наложница Ли тоже была неглупа и знала, что по рангу она ниже, да и боялась безумного нрава Императрицы — ведь та посмела расцарапать лицо самому Императору! Если она расцарапает и ей лицо, кто потом будет плакать?

Лучше не связываться с сумасшедшей.

Она покорно склонилась: Наложница Ли приветствует Императрицу.

Но было уже поздно.

Раздался еще более громкий звук пощечины: Мерзавка! Как ты смеешь лгать от моего имени!

Она вложила в этот удар всю силу. Поскольку опыта в драках не было, пальцы были растопырены, и для пострадавшей это ощущалось почти как царапины.

Наложница Ли испугалась, что на лице остались следы, и с воплями бросилась прочь.

Безумная, безумная, Императрица — сумасшедшая!

Разогнав наложницу Ли, Бу Юньфэй потерла руки и заискивающе улыбнулась главной героине: Ты в порядке? Я... я не приказывала ей обижать тебя.

Конечно, не приказывала, она даже ударила ее, чтобы ты могла выпустить пар.

Бу Юньфэй нервно улыбалась, боясь, что та поймет ее неправильно.

Но в глазах Сяо Лэньюй это нервное напряжение выглядело иначе.

Она видела, как Императрица общалась с наложницами в Холодном дворце, видела, как та сопротивлялась возвращению в Чжунгун. Если раньше она думала, что это игра, то теперь была почти уверена: Императрица не играет, она просто не хочет возвращаться к Императору, потому что любит женщин!

Поняв это, она истолковала рвение и нервозность Императрицы как проявление чувств.

Сяо Лэньюй покраснела и отвела взгляд: Ваша покорная слуга в порядке. Я... я не смею превратно понимать Императрицу.

В лучах заката, среди цветов, зардевшееся лицо Сяо Лэньюй было прекраснее заката и нежнее цветов.

Бу Юньфэй, которая и сама была «ла-ла», застыла, как болванчик.

Красиво. Как же красиво.

Древние женщины не знали загрязнений воздуха, химии и бессонных ночей, их кожа была

безупречна, как после фотошопа.

Как тут не влюбиться?

Сяо Лэньюй, видя такой взгляд, покраснела еще сильнее.

Пытаясь сохранить самообладание, она сказала: Императрица, если больше ничего нет, я пойду.

Но Бу Юньфэй, словно не слыша, продолжала смотреть на нее с обожанием.

...Императрица, если ничего нет, я пойду.

Бу Юньфэй все так же молчала, продолжая грезить.

... — Сяо Лэньюй покраснела, развернулась и ушла.

Когда она отошла далеко, та все еще стояла, очарованная: Красиво, красиво, как же красиво, даже спина такая изящная.

И эта походка, присущая только гаремным женщинам, — каждое движение отдавалось в сердце Бу Юньфэй.

Если раньше она хотела лишь выжить, то теперь она хотела обладать этой женщиной.

Тоска без ответа, бессонные ночи.

В ту ночь Бу Юньфэй не спала.

Весна — сезон для несбыточных мечтаний.

На следующий день она проснулась с кругами под глазами. Матушка Жун в испуге принесла всевозможные средства: птичьи гнезда, женьшень, дягиль, ягоды годжи.

Как автор романов, Бу Юньфэй знала немало медицинских хитростей и не раз проверяла их. Она знала, как бороться с темными кругами под глазами.

Метод матушки Жун был неплох, но чтобы это подействовало на лицо... нужно было ждать десять-пятнадцать дней.

Матушка Жун, принесите мне вареных яиц. Ничего не добавляйте, даже скорлупу не чистите, — приказав это, она вздохнула. Познания местных жителей были слишком ограничены.

Хорошо, что рабское воспитание здесь было глубоко укоренено, и матушка Жун была предана Бу Юньфэй до глубины души!

Вскоре яйца принесли.

Очистите их, — велела Бу Юньфэй.

Матушка Жун не понимала, зачем это нужно, но старалась изо всех сил. Яйца были горячими, и ее руки тут же покраснели от жара.

Бу Юньфэй почувствовала укол совести.

Раньше она мало общалась с людьми и не знала, как проявлять заботу. Она привыкла лишь требовать то, что нужно ей.

Чувство вины нахлынуло на нее.

Она протянула руку и накрыла руку матушки Жун: Довольно, матушка, я не спешу, подождем, пока остынут.

Разве так можно? Остывшие яйца будут невкусными!

Ничего, я буду использовать их не для еды, а чтобы приложить к глазам.

Матушка Жун удивилась: Прикладывать горячие яйца к глазам? Вы такая изобретательная, госпожа.

Бу Юньфэй тепло улыбнулась.

В этом мире у нее не было родных. Лишь матушка Жун была добра к ней! Хотя формально у нее были отец и мать, но после переселения она не могла воспринимать их как настоящих родителей. Да и разве в знатных семьях родители искренне любят дочерей? Чаще всего они рассматривают их как разменную монету для укрепления положения клана.

Иначе почему ее отправили в этот дворец, где легко можно лишиться жизни?

Думая об этом, Бу Юньфэй не удержалась и сжала руку матушки Жун: Матушка Жун, вы так добры ко мне. Я никогда этого не забуду...

Она хотела сказать: Я никогда этого не забуду, и пока я жива, вы тоже будете в достатке, — но слова застряли в горле.

Потому что она подняла глаза и увидела входящую Сяо Лэнью.

Та смотрела на нее с таким отвращением, будто застала за чем-то непристойным.

Бу Юньфэй смешалась — а-а-а, почему ее снова застукали? Неужели ее снова неправильно поймут? Мало того, что ее считали сумасшедшей, так теперь еще и...

Э-э... — Бу Юньфэй с трудом прочистила горло, собираясь объясниться.

Сяо Лэнью опустила глаза и опустилась на колени.

Бу Юньфэй замерла.

Даже если подглядывать нехорошо, не обязательно же сразу на колени падать? Хотя в этом дворце подглядывание, кажется, было в моде.

Бу Юньфэй поспешила помочь главной героине подняться. Шутки в сторону, вы — главная героиня, это я должна перед вами на колени падать!

Но Сяо Лэнью опередила ее: Прошу Императрицу о милости, пощадите моих родителей.

Э?

Бу Юньфэй снова замерла.

О чем это она?

Сяо Лэнью, видя такую реакцию, решила, что та отказывает, и трижды ударила поклоном о пол.

Бу Юньфэй чуть не подпрыгнула. Она, не раздумывая, тоже опустилась на колени и трижды поклонилась в ответ. Звук получился даже тяжелее, чем у Сяо Лэнью.

... — Сяо Лэнью нервно дернула уголок рта.

Она пришла сюда полная горя, искренне просить о помощи, но почему теперь ей хочется то ли плакать, то ли смеяться?

Она слегка кашлянула, пытаясь вернуть настрой: Императрица, я искренне прошу вас: позвольте моим родителям выжить.

Изначально здесь должны были звучать рыдания, но из-за этой чудачки слезы пропали.

Более того, она вдруг поверила, что это никак не связано с этой глупышкой. И даже почувствовала, что та обязательно поможет.

Пощажу, конечно, пощажу! — Бу Юньфэй была готова выполнить любую просьбу.

Однако она не удержалась от вопроса: Что вообще происходит? Расскажи подробно?

... — Сяо Лэнъюй очень хотела закатить глаза и упасть в обморок.

Если бы это было раньше, она бы подумала, что та притворяется. Но теперь она верила, что та ни при чем.

Она глубоко вздохнула и рассказала все.

Оказалось, что инцидент с наложницей Ли в Императорском саду дошел до ушей Императора. Тот, будучи и так в ярости после того, как его расцарапали, вызвал отца Императрицы, старого лорда Бу, и отчитал его.

Лорд Бу, будучи высокопоставленным сановником, никогда не подвергался подобным унижениям. Разгневанный, он начал искать виноватых. Слуги донесли, что Императрица поссорилась с наложницей Ли и госпожой Сяо, и Император разозлился, решив защитить своих женщин.

Лорд Бу пришел в ярость: Наложница Ли — ладно, ее отец еще чего-то стоит. А кто такая госпожа Сяо? Выскочка из низов, посмела обидеть мою дочь! Я уничтожу весь ваш род!

<http://bllate.org/book/19859/1955098>